А. Л. ГЛУШАЕВ

Глушаев Алексей Леонидович
кандидат исторических наук
доцент, кафедра культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры
Россия, 614000 Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18
Тел.: +7 (342) 212-65-52
E-mail: perst-ur@mail.ru

«ОНИ БОЛЕЕ, ЧЕМ МУЖЧИНЫ…»

Рецензия на книгу: *Белякова Н. А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг.: Исследование и источники. — М.: Индрик, 2015. — 512 с.; ил.

Появление работы по истории евангельских христиан Советского Союза, где в центре внимания поставлен *женский вопрос*, было ожидаемым событием. Действительно, проект «Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР» витал в воздухе, но материализовался благодаря усилиям двух исследовательниц из России и Великобритании — Надежды Алексеевны Беляковой и Мириам Добсон.

Автор рецензии не случайно обмолвился о женском вопросе в истории евангельских церквей, так как особая роль женщин на этапах распространения евангелического учения в России была давно подмечена сторонними наблюдателями. Так, в начале прошлого века православный миссионер из Пермской губернии, обличавший штундо-баптизм, записал в своих лекциях:

> Мы в нашей епархии встречали таких сектанток, которые хотя и безграмотны и не умеют читать, тем не менее прекрасно знают те тексты, которые служат защитою сектантских положений. Они более чем мужчины горят желанием просвещать братьев светом Христова учения [Куляшев 1913: 11].

Как известно, в евангельских сообществах СССР женщины составляли большинство; в некоторых случаях общины были полностью женскими. Как замечают исследовательницы, в отсутствие мужчин женщины проповедовали и проводили собрания. Однако при первой же возможности женщины отходили на второй план, отдавая в руки мужчин руководство церковной жизнью. В этом видится специфика по-

© А. Л. ГЛУШАЕВ

слевоенного развития евангельских сообществ СССР, отличающая их от западных форм протестантизма XX в. Это был период, когда генерировалась собственная традиция, в которой закрепилось «четкое традиционалистское обоснование распределения мужских и женских ролей внутри церкви» (с. 31).

Авторы полагают, что в утверждении традиционалистского распределения гендерных ролей в отечественном евангельском протестантизме сыграли свою роль два ключевых фактора:

1. Эмансипация женщин, провозглашенная в 1920-е годы, была преимущественно политической кампанией, которая не затронула религиозное женское большинство; феминистское же движение 1970–1980-х годов было слабым и не имело влияния в церковной среде.

2. Славянский протестантизм имел свои корни и традиции.

Согласимся с первым тезисом, который справедливо подчеркивает условность воздействия прогрессистских идей большевизма на культурную жизнь общества, переживавшего в 1920–1930-е годы кризис привычных моделей и стилей поведения. Помимо этого заметим, что на консервативную форму распределения социальных ролей мужчин и женщин в евангельских сообществах могли влиять общеполитические факторы. Если речь идет о 1940-х годах, то необходимо вспомнить о «консервативном развороте» 1930-х годов, когда ужесточается законодательство о разводе, запрещаются аборты, а пропаганда трубит об «укреплении семейной жизни». Вертикаль тоталитарной власти своеобразно транслируется на социальную организацию семьи, на отношения мужчин и женщин, родителей и детей.

Второй тезис о «корнях и традициях славянского протестантизма» предлагаю обсудить подробнее. Приведенное в работе мнение К. Прохорова о влиянии политики изоляционизма во время «холодной войны», когда русский протестантизм в социальных вопросах сближается с православием (с. 31), выглядит убедительно и заставляет обратиться к социальной истории советского общества.

В социально-историческом плане генезис традиционалистской модели поведения мужчин и женщин в евангельских общинах связан, парадоксальным образом, с волной «религиозного пробуждения» 1940–1950-х годов. Следует заметить (и об этом говорят документы, приводимые в книге), что речь идет преимущественно о жизни городских общин, история которых в большинстве случаев начиналась с небольших молитвенных собраний военного и послевоенного времени. Это были молодые или существенно обновленные общины, включившие в свой состав значительную долю (часто свыше 50%) верующих с небольшим стажем либо перешедших из других конфессий, прежде всего из православия[1]. Бóльшую часть «новых» евангельских верующих составили

[1] Об этом писали и советские исследователи, см., например: [Лялина 1977: 14–16].

одновременно и «новые» горожане, выходцы из других регионов, из сельской местности[2]. Культурные нормы и модели поведения «новых» горожан воспроизводили традиционный уклад, которому еще только предстояло преобразоваться в городской образ жизни. В этих условиях распределение гендерных ролей в общинной жизни евангельских христиан строилось по привычным лекалам патриархальной семьи, которые со временем закрепились в традиции и оказались востребованными в советской повседневности.

Однако (и здесь следует согласиться с авторами книги) в реальности сложилась вариативность сценариев жизни, «при которой замужество не являлось непременным атрибутом женщин» (с. 50). Этот особенный характер социальных ролей, которые принимали женщины в евангельских общинах, и подтолкнул авторов к мысли о многообразии жизненного опыта и каналах самореализации, отличных от стратегий мужского поведения.

По своей форме книга «Женщины в евангельских общинах» является сборником документов, включающим архивные материалы, публикации самиздата, письменные свидетельства и интервью, взятые исследователями. К каждой из семи глав книги написаны небольшие вступительные статьи, а сами источники сгруппированы таким образом, что создается ощущение связанного текста, раскрывающего проблему.

Несомненно, авторы исследования провели удивительную работу, встречаясь с нашими современницами из евангельских церквей России, Украины и Германии. Во всех главах книги приведены фрагменты многочисленных интервью, среди которых хотелось бы выделить, например, интервью с О. А. Мурашкиной о духовных поисках женщин в евангелистской среде (с. 135–139), воспоминания Е. Дик о религиозных практиках советских немцев (с. 109–113), воспоминания детства, записанные лично В. Ю. Катко (Куксенко) — дочери служителя Совета церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ) — движения баптистов, возникшего в начале 1960-х годов (с. 246–254). Стоит заметить, что интерес к воспоминаниям евангельских верующих, чья социализация произошла в позднесоветскую эпоху (рубеж 1950–1960-х — 1980-е годы), в целом демонстрирует смещение фокуса исторических исследований религиозной жизни в СССР с периода 1920-х — начала 1950-х годов ближе к современности, и, по нашему мнению, эта тенденция будет только усиливаться.

Публикация корпуса документов из архива Российского союза евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ), который не так часто привлекается светскими историками, обладает значительным эвристическим потенциалом для исследований. Переписка, существовавшая между

[2] Еще предстоит статистически оценить влияние «новых» горожан на состав евангельских общин послевоенного времени, но на Урале и в Сибири этот фактор был решающим, см.: [Горбатов 2008; Глушаев, Клюева 2014].

членами церквей Всесоюзного совета ЕХБ (ВС ЕХБ) в СССР, раскрывает грани жизни евангельских общин, которые не замечались внешними наблюдателями. Публикуемые письма женщин, направленные, в том числе, руководителям союза, наполнены личными переживаниями, деталями советской повседневной жизни, характеризующими социальную историю общества. Так, письмо Е. А. Воронаевой, супруги председателя Союза христиан евангельской веры И. Е. Воронаева, сгинувшего в лагерях ГУЛАГа, обращает внимание историка на сложный вопрос единства баптистов и пятидесятников в конце 1950-х годов (с. 139–141).

Многие письма к власти и заявления верующих женщин отражают драматические моменты в судьбах евангельских общин, особенно в ситуации реальной угрозы семейной целостности из-за ареста мужей — активных служителей СЦ ЕХБ, либо из-за решений органов социальной опеки, принятых под давлением политических доктринеров, о лишении верующих родительских прав. Знакомство с сюжетными линиями семейных историй, представленных, в частности, в пятой и шестой главах, неизбежно приводит к выводу, что естественной реакцией на государственное насилие в отношении многих семей евангельских верующих стал своеобразный «бабий бунт», в 1960-е годы получивший свой выход в создании Совета родственников узников ЕХБ.

Конечно же, механизмы взаимопомощи или написание петиций в защиту единоверцев в женской среде евангельских верующих ничем не напоминают крестьянские «бабьи бунты» начала 1930-х годов, прокатившиеся во время насильственной коллективизации в советской России (см.: [Виола 2010]). Однако отразившееся во многих документах негодование женщин на очевидную ангажированность ведения следственных дел, на несправедливость судебных решений в отношении их мужей, а также понимание ими опасности для сохранения семей позволяет проводить исторические параллели.

Деятельность Совета родственников узников ЕХБ, которой посвящена седьмая глава, авторы работы предлагают рассматривать как одну из форм женского служения, но не случайно оставляют этот вопрос открытым. Угрозы, с которыми столкнулись жены активистов Совета церквей ЕХБ, нарушили сложившуюся традицию распределения мужских и женских ролей в евангельских сообществах, поставив на грань выживания семьи верующих. В этих условиях «женское служение» приобретает черты вынужденного сопротивления и нарастающего конфликта с окружающим миром.

Вполне закономерно на страницах книги появляются документы, связанные с именем Лидии Михайловны Винс, до своего ареста в 1970 г. возглавлявшей Совет родственников узников ЕХБ. Будучи женой репрессированного в 1930-е годы баптистского служителя П. Я. Винса

(см.: [Винс 2003]), Л. М. Винс ясно представляла возможные последствия разрушения многодетных евангельских семей, что, несомненно, стало одним из мотивов участия женщины в рискованном движении за гражданские права советских верующих.

В целом издание архивных документов и фрагментов интервью, сгруппированных в сюжетные линии в рамках одной темы, показывает возможные этапы и технику исследования социальной истории евангельских церквей СССР периода позднего социализма.

В качестве замечания отметим одну досадную неточность в изложении фактов, касающихся семьи Винс. Авторы, вероятно, оговорились, когда написали, что Л.М. Винс приехала «за мужем из США в 1920-е гг. для проповеди в России» (с. 352). Однако по свидетельству Г. П. Винса, его мать родилась в 1907 г. в семье евангельских верующих в Благовещенске и жила там же до встречи с П. Я. Винсом, получившим богословское образование в Америке [Винс 2003: 33].

Кроме этого, странным выглядит отсутствие заключения в книге, особенно если учесть, что публикация заявлена как монография. Возможно, что суммирование итогов позволило бы прояснить ответы на поставленные в работе вопросы или наметить новые проблемы дальнейшего исследования.

Впрочем, замечания по тексту книги лишь подстегивают исследовательский азарт историка, знакомого с темой. Факт появления рецензируемой книги радует тем, что заявленное направление в исследовании истории евангельских церквей СССР в позднесоветский период фундируется новыми качественными источниками. Стоит пожелать авторам успешного продолжения работы над проектом и успехов в переводе уникальной документальной базы в тексты по истории религиозной жизни в России второй половины XX в.

Литература

Винс 2003 — *Винс Г. П.* Тропою верности. СПб.: Русская миссия благовестия «Библия для всех», 2003.

Виола 2010 — *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010.

Глушаев, Клюева 2014 — *Глушаев А., Клюева В.* «Новые» меннониты Урала и Сибири: генезис и трансформация этноконфессиональных сообществ в 1940–1960-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 295–313.

Горбатов 2008 — *Горбатов А. В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е годы. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008.

Куляшев 1913 — *Куляшев А.* Лекции по истории и обличению сектантства как рационалистического, так и мистического, читанные на миссионерских курсах в Пермской епархии в 1912 и 1913 годах. Пермь: Типо-Литогр. Губ. Правл., 1913.

Лялина 1977 — *Лялина Г. С.* Баптизм: иллюзия и реальность. М.: Политиздат, 1977.

"They, more than the men…"

Glushaev, Aleksei L.
PhD (Candidate of Science in History)
Associate Professor, Cultural Studies Faculty, Perm State Institute of Culture
Russia, 614000, Perm, Gazety "Zvezda" str., 18
Tel.: (342) 212-65-52
E-mail: perst-ur@mail.ru

> ***A review of***: Beliakova, N. A., Dobson, M. (2015). *Zhenshchiny v evangel'skikh obshchinakh poslevoennogo SSSR. 1940–1980-e gg.: Issledovanie i istochniki* [Women in evangelic communities in postwar USSR. 1940–1980. Research and sources]. Moscow: Indrik. 512 p.

The book under review represents a collection of archival records, personal histories and interviews unified by the theme "Women in evangelic communities in postwar USSR". The author of the review thinks that there are storylines in the book that could be turned into separate research projects: searching for religion in late socialism; life in a family and church; gender aspects of evangelic believers' human rights activities. Overall, the book presents unique materials on the history of evangelic churches in the USSR during the 1940s–1980s.

References

Glushaev, A., Kliueva, V. (2014). “Novye” mennonity Urala i Sibiri: genezis i transformatsiia etnokonfessional’nykh soobshchestv v 1940 – 1960-e gg. [“The new” Mennonites of the Urals and Siberia: Ethno-confessional communities’ genesis and transformation in the 1940s-1960s]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* [State, religion and church in Russia and worldwide]*, 2014*(4), 295–313. (In Russian).

Gorbatov, A. V. (2008). *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-e — 1960-e gody* [The state and religious organizations in Siberia in the 1940s–1960s]. Tomsk: Izdatel’stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russian).

Kuliashev, A. (2013). *Lektsii po istorii i oblicheniiu sektantstva kak ratsionalisticheskogo, tak i misticheskogo, chitannye na missionerskikh kursakh v Permskoi eparkhii v 1912 i 1913 godakh* [Lectures on the history and refutation of rationalistic and mystical sectarianism, read during missionary courses in the Perm eparchy in 1912 and 1913]. Perm: Tipo-Litografiia Gubernskogo Pravleniia. (In Russian).

Lialina, G. S. (1977). *Baptizm: illiuziia i real’nost’* [Baptism: Illusion and reality]. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Vins, G. P. (2003). *Tropoiu vernosti* [By the path of fidelity]. St. Petersburg: Russkaia missiia blagovestiia “Bibliia dlia vsekh”. (In Russian).

Viola, L. (2010). *Krest’ianskii bunt v epokhu Stalina: Kollektivizatsiia i kul’tura krest’ianskogo soprotivleniia* (Transl. by A. V. Bardin from: Viola, L. (1996). *Peasant rebels under Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance*. New York; Oxford: Oxford Univ. Press). Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El’tsina. (In Russian).

Glushaev, A. L. (2016). “They, more than the men…” *Shagi / Steps, 2*(1), 239–245